Владимир Алейников

На выдохе, на вдохе, на рыданье…

Жёлтым салютом листья взлетают,
Ну и закат—йод!
Музыка стихнет—и возрастает,
Прошлое влёт бьёт,
Вместе с тоскою где-то витает,
В небе гнездо вьёт,
За сердце, хмурясь, разом хватает,
Яд или мёд пьёт.

Что же, скажи мне, душу питает
Всем, что к судьбе льнёт,
Мысли читает, слёзы глотает,
В бедах своё гнёт?
Что за сиянье в дымке не тает,
Бездну сулит льгот?
Музыка вспыхнет—и прорастает
Ввысь—и любви ждёт.

В золотом звенящем луче
Мотылёк порхает ночной—
И рука на смуглом плече
До сих пор, выходит, со мной.

И взлетает птица, шурша
Впопыхах осенней листвой,—
И молчит живая душа
О таком, что шло по кривой.

Только так—и лучше, что—так,
Вот и встанет вдруг на пути
Чья-то тень—откуда и как?—
И кивнёт, чтоб взять да уйти.

Как мне быть с тоской колдовской,
Что глядит и сводит с ума?
С холодком в крови нелюдской
Подойдёт—и сгинет сама.

Вот и знай, поди, под луной:
Для чего сплетутся в ночи
Стебелёк полыни степной
С фитильком зажжённой свечи?

Не сомкнуть мне глаз, не уснуть,—
Не вернуть былые года—
Подойдут, чтоб молча взглянуть,
И уйдут—уже навсегда.

На выдохе, на вдохе, на рыданье,
Над пропастью вися на волоске,
Над отзвуком неловким оправданья,
Впотьмах кусавшем локоть на песке,

Над косностью, над всякою напастью,
Над повестью о верности такой,
Что выжила на свете этом—к счастью,
Что есть,—а с ним и воля, и покой.

На что же мог ты уповать?
На то, что небо станет ясным,
А мир, как прежде, безопасным,—
И всё же нечего кивать
Кому-то в шуме дождевом,
В ненастном выщербленном гуле,
В ущербной мгле,—не потому ли
И вам в беспамятстве, кривом,
Как уходящая луна,
И вам в пути своём—неймётся,
И сердце сразу же сожмётся,
Распад познавшее сполна,—
И не отнекиваться вам
От смуты нынешней придётся,
А в том, что где-нибудь найдётся
Вниманье к этим вот словам,
Признаться, может быть, сейчас,
Пока опомниться не поздно,—
Уже и время смотрит грозно
В пещерном сумраке на вас.

Как бы вселенскому прощанью
С каким-то звуком там, вдали,
Чтоб новый, чуждый обнищанью,
Сродни чутью иль обещанью,
Звучал, куда бы ни вели,
Когда бы грозы ни сулили,
С отжившим, давешним, в родстве,
Кому бы яства ни солили,
Соломой ложе ни стелили,
Есть час и место в естестве.

К перекличкам, к заплачкам пичужьим
Я всерьёз относиться привык—
Над округой сквозит полукружьем,
Словно полог, волшебный язык.

От капризов погоды ледащей
Он всегда независим, пойми,
Чтобы времени сутью летящей
Вдруг раскрыться вот здесь, меж людьми.

В нём услышу я то, что проститься
Никогда не посмеет со мной,—
И к душе он готов подольститься
Так, чтоб в ней оставаться с весной,

Чтоб цвести этим дням без опаски
За судьбу своих певчих шальных,
Чтоб спасти эти хрупкие связки
От невзгод на распутьях земных.

Что-то предчувствуя, что—не пойму,
Там, за холмом, с краю,—
Цвелью и опалью—словно в дыму,
Убылью,—нет рая!—

Одурью пламенной, удалью—той,
Что отдаёт прелью,
Где-то поодаль, вон там, за чертой,
Ставшей сплошной целью,

Солью скитальческой, гарью смурной,
Болью сквозной,—что же
Плещет опасливо кровью дурной?—
Будь же со мной, Боже!

Ржавому ветру в ответ:
Вот и просчёты
В кознях!—а вот и просвет,
Верные ноты
В общем звучанье дневном,
В том, что запало
В душу—и там, за окном,
Лишним не стало.

С истин, знакомых давно,
Старые слепки,
Вас ли разбить мудрено?
Чем же вы крепки?
Вас не скопить про запас—
Нового смысла
Тяжесть, густея сквозь вас,
В небе нависла.

С угольком в золе, с костерком,
С ветерком, знобящим в степи,
С шепотком ночным, с огоньком
За окном,—вставай-ка, не спи!—

С посошком в руке, с узелком
На незримой нити сквозной—
То с попутными, то пешком—
Стороною своей родной,

Перекатом бредя речным,
По курганам и рвам пройдя,
Чтоб нагаром застыть свечным
Отголоскам глухим дождя,

Чтобы швом различить проём
Чуть заметный меж двух эпох,
Чтобы знать на пути своём,
Что родник ещё не иссох,

Чтоб рубцом заросло сплошным
Всё, что жала вонзало в грудь,
Что вело по годам земным,—
И не страшно тебе ничуть.

Выбраться порою
В глушь да благодать,
К небу за горою,
Чтобы не гадать—
Кто там и откуда
Вклинится в тепло,
Что там за остуду
С ветром принесло?

Выбрать оробело
Где-нибудь в тиши
То, что без пробела,
Только для души,—
Что-нибудь такое
С этих вот высот,
Где не до покоя,—
Всё перенесёт.

Всё-таки планида
Всюду на виду—
Что там за обида,
С бредом не в ладу,
Билась да стучалась
Птицею в стекло?—
Всё, что ни случалось,
К свету привело.

С утра — сплошная пелена
В набрякшем небе над горами,
И весь простор в оконной раме
Развязки ждёт, как в старой драме,
Которой непогодь сильна.

И, значит, снова жди дождей,
А может, гроз, а может, града, —
И переспрашивать не надо,
Откуда в сумраке распада
Надежда в сердце у людей.

И, значит, высмотри в окно
Просвет негаданный над садом,
Едва заметный, нужный взглядам,
Пока эпоха сущим адом
Кому-то кажется давно.

И, значит, сызнова внимай
Над миром стройному звучанью —
Оно препятствует молчанью,
Души противясь одичанью,
Как брови вдруг ни поднимай.

Глыба клубится мглы:
Что за утроба
В небе, густей смолы,
Дыбится, чтобы
Выплеснуть что-то вдруг —
Может, и влагу —
В логово блажи, в круг
Вроде бы блага?

В ногу ли с веком шли?
Складно ли пели?
Что же спасти могли?
Что — не успели?
Вместе рыдать бы, друг,
Слёз не жалея! —
Там, за окном на юг —
Чуть посветлее.

Середина лета. Зима
Не за горами. Вспомни,
Каковы декабрьские полдни,
Январские закрома,
Каковы февральские дни,
Вечерами — змеи позёмки
Да в подземке давка. Потомки
Удивятся. Молча взгляни —
В никуда. А может быть — в даль,
В боль свою. Для каждого шага —
Что же делать? — нужна отвага.
Ну а с нею рядом — печаль.
Ничего мне, впрочем, не жаль.
Всё прошло. Глядишь, и вернётся.
И тогда-то спящий — проснётся.
Разобьётся утра хрусталь
О железо ржавое тьмы,
Чтоб осколки склеить однажды,
Потому что приступом жажды
До сих пор измучены мы.

С песчаным таяньем,
С небесным гласом,
Почти отчаяньем
Пред каждым часом,
Почти парением
Пред мигом всяким,
С таким горением —
Навстречу знакам.

С такою верою —
Навстречу звукам
С их звёздной мерою
Всем снам и мукам,
С такою силою —
Ко всем приметам,
С височной жилою,
Звенящей светом.